

Андроников Ираклий
А. Лаурсабович

22.2.96.

Драматургия жизни

Экран и сцена. - 1996. - 22-29 февр. - 42

Посвящение Андроникову

Говорили об Андроникове. И, как всегда бывало при нем, ощущали себя свободными людьми, людьми искусства, людьми, причастными к культурной традиции в ее неподвластном расчету движении, перетекании из века в век, из года в год, из одной художественной индивидуальности в другую. В каком-то смысле Ираклий Андроников был одновременно и неожиданным, необозримо прекрасным, чистым озером, в которое впадали бесчисленные реки и речки с заснеженных гор музыки, иных искусств, искусства слова и мысли, всеохватной поэзии, но он же был и той вытекавшей, вырвавшейся из великого озера глубинной культуры стихией, что весело творила на своем пути чужда преобразений и постижений, вздымая к небу и людям мириады сверканий ума и сердца, восторга и обнимающего мир сострадания-умиления.

В кругу множества прекрасных живых лиц и редких картин, составлявших изысканное убранство небольшого музейного зала, удобно устроившись у рояля, дружелюбно всматривался в собравшихся и вслушивался в себя самого, подперев голову и загадочно улыбаясь, Ираклий Лаурсабович Андроников — с портрета Мартироса Сарьяна.

Портрет этот, всегда украшавший гостиную Андрониковых, был привезен в тот вечер на несколько часов на Волхонку дочерью писателя — в «рихтеровском зале» Музея личных коллекций (что в составе Государственного музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина) проходили «Андрониковские чтения», уже четвертые по счету.

Эти собрания московской художественной интеллигенции начались еще в минувшем году — через пять лет после кончины Ираклия Лаурсабовича Андроникова (1908—1990) и, судя по всему, будут иметь свое продолжение. Во всяком случае, организаторы «Чтений» (Государственный литературный музей, Российский государственный архив литературы и искусства, Музей А.С.Пушкина, Комиссия по радиотелевизионному насле-

дию И.Л.Андроникова) не намерены ограничиться каким-то определенным числом «Андрониковских чтений», и хотели бы предоставить делу естественный ход: имя Андроникова продолжает во множестве собирать людей искусства и культуры; их размышления-вспоминания волнуют и располагают к новым размышлениям и переживаниям, связанным с Андрониковым непосредственно, опосредованно и вовсе, кажется, с ним не связанным. Одно объединяет здесь всё и всех — внутренняя причастность к реальностям живой культуры.

Проявления живой культуры — не просто культуры как таковой, а именно живой культуры, то есть ее новых, неожиданных, талантливых воплощений — Андроников улавливал, распознавал, оценивал и ценил долго, долго как мало кто другой из признанных культурных авторитетов.

Ему доставляло истинное наслаждение сказать хорошо о том, что хорошо и ценно на самом деле, но еще не осознано обществом, не воспринято культурной средой как безусловная и непререкаемая ценность.

«Громкость» имени нового артиста, художника, исследователя не была для Андроникова доказательством подлинности таланта.

Но уж подлинность таланта, которую он умел разглядеть необычайно талантливо, всегда была для него, безусловно, достаточным основанием и поводом возгласить миру новое имя. У него самого был громкий, интонационно-неповторимый, узнаваемый (и признаваемый!) голос, к которому прислушивались, которому верили.

Раздумывая над тем, как может сложиться этот вечер в Музее изобразительных искусств имени А.С.Пушкина, обращенный не вообще к Андроникову, но Андроникову-искусствоведу, критику и писателю об искусстве (организаторы доверили мне роль ведущего четвертых «Андрониковских чтений» и тем оказали честь, но и ответственность возложили немалую), я все хотел найти «образ Вечера».

Более тридцати лет находясь в поле окрыляющего воздействия Ираклия Лаурсабовича, неизменно ощущая

его живое существование, его приблизившегося, а не удалившегося за истекшие пять лет, я все пытался угадать, что же могло тронуть, обрадовать, вдохновить пылкого и многоопытного художника, мастера слова — «Слова Андроникова!» — в момент сосредоточения дружеского внимания на нем самом.

Он, конечно же, попытался бы рассредоточить это внимание к себе, рассеять его и незаметно для всех, однако, самому быстро и непосредственно собрать всех, но не вокруг себя, а вокруг чего-то идеального, прекрасного и бесконечного. Быть может, а то и наверное, он обратился бы к музыке (так и называется одна из его книг — «к музыке»).

Решено! «Андрониковские чтения» в «рихтеровском зале» Музея личных коллекций откроет музыка. Откроет, завершит, будет звучать в течение всего Вечера.

К нашей радости, музыку для Андроникова и всех, кто собрался вокруг его имени, его портрета, олицетворил Николай Луганский, молодой пианист выдающегося дарования, внутреннего благородства и трепетного мастера.

Победитель последнего, X Международного конкурса имени Чайковского, артист, уже хорошо знакомый с успехом и славой, Луганский сыграл Сонату-фантазию № 2 Скрябина, через какое-то время пять прелюдий Рахманинова и, наконец, в завершение Вечера, один из хоралов Баха, умело и тонко переложенный для фортепьяно.

Вся эта музыка, обращенная к Ираклию Андроникову (которого молодой артист уже не мог узнать лично, но знает, ибо живет в русской культуре), звучала как благодарность ушедшему художнику за его бесконечную любовь к искусству и людям и восторженное знание их.

Говорили об Андроникове. И, как всегда бывало при нем, чувствовали себя счастливыми.

Андрей ЗОЛОТОВ.